
«ПО-БОЛЬШОМУ»: ГОРОДСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА И ВЛАСТЬ НАД ПРОСТРАНСТВОМ

Е.Г. Трубина
Уральский федеральный университет

Аннотация: В статье использованы философские идеи (П. Слотердайк) и материалы, относящиеся к истории городов и истории эмоций для разговора о том, каково символическое и социальное значение городской инфраструктуры. В статье, в частности, идёт речь о том, что значит для граждан хронически недоразвитая инфраструктура, стоит ли использовать состояние канализации в городах для обсуждения принципов распределения общественных ресурсов. Проблематичный вклад инфраструктуры в городскую ауру, в сложное сплетение запахов, окутывающих людей в публичных и частных местах также не обойдён вниманием. Затронута возможность дальнейшего разрушения инфраструктуры в городах страны, находящейся под санкциями. Представленный текст — часть масштабного проекта автора, посвящённого урбанизму во время санкций.

Ключевые слова: инфраструктура, запахи, общественные блага, городская атмосфера, недоразвитие, цивилизация и цивилизованность, неравенство.

«Это та „великая“, в которой 30 млн до сих пор с[...] на улице
и не имеют канализации?»
(твит Елены Михайловой, 15 марта 2014 года)

Функционирование городской инфраструктуры сопряжено с вещами, которые обсуждать неудобно и не принято. Иные смельчаки — авторы популярных книг, хоть и находят благодарных читателей, но все же смущены тем, что посвящают книги, например, «неупоминаемому миру человеческих отходов» [George 2008]¹. О последних, однако, упрямо вспоминали в дискуссиях многие украинцы и русские зимой и весной 2014 года. Вспоминали метафорически² и буквально. Сведения о состоянии канализации в России, как явствует из «тви-

---

¹ На сайте Amazon, внося в поисковик эту книгу, можно увидеть, сколь обширна сегодня коллекция популярных книг на похожие темы.

² К примеру, журналист Александр Морозов на своей странице в Facebook дал такую характеристику современных российских масс-медиа: «Товарищи авторы сидят в политическом режиме по горло в г*вне, им скоро ограничат доступ в интернет, на троне сидит агрессивный сумасшедший и они „озабоченно“ разбирают недостатки „переходного правительства“ соседней страны... Очевидно, что эти авторы являются частью „системы производства г*вна“, в котором они и все мы сидим». Обычно сдержанный в выражениях политолог Владимир

та», вынесенного в эпитафию, использовались для критического оспаривания имперских претензий правительства страны, либо иллюстрации традиционалистского, архаического крена, заметного в культурной (и не только) политике. Золотой унитаз поверженного украинского президента, став предметом «квеста» любопытствующих в его резиденции в Межигорье [Аронен, Коваленко 2014] быстро превратился в мем наряду с другим специфическим объектом складской инфраструктуры — шубохранилищем главы Российских железных дорог Якунина и прочими эмблемами «эксцессов» сильных мира сего. В обсуждении геополитического конфликта редко фигурировали технологические прорывы, по части которых обе страны вряд ли могут чем-то похвастаться. Неслучайно жалобами на плохое состояние соответствующих (а также всех других труб) труб переполнена Сеть обеих стран [В Киевсовете потоп... 2013; Этот город... 2013; Ад русских больниц... 2013; Приглашаем рожать... 2013].

Бессмысленность позолоты на самом, вероятно, функциональном предмете обихода, волонтеры-киевляне, уводившие стоявших на Майдане домой помыться, фотографии покосившихся домиков и удобств на улице, сделанные в российской глубинке, активно циркулирующие в Сети, пока идут дебаты по поводу Крыма и возможной войны — все это фрагменты продолжающегося исторического сдвига, не самые значимые, но важные для тематического блока о городской инфраструктуре. Многие книги и статьи об этом ключевом измерении городской жизни написаны ретроспективно³, подытоживая воздействие модерности и капитализма на строительство электро-, гидро- и прочих сетей. Между тем неразвитость городской инфраструктуры фигурирует в недавних сетевых дискуссиях как дополнительное подтверждение безобразий молодого восточно-европейского авторитарного капитализма. Если говорить более абстрактно, эта неразвитость иллюстрирует неравномерность распределения ресурсов в организации эффективного обмена веществ между окружающей средой и городом, между человеческим и не-человеческим (то есть, техническим и природным). «Обмен веществ» — это биологическая метафора, сообщающая опосредуемым инфраструктурой процессам видимость автоматизма. В городских обменах, однако, не все усваивается и выводится, не все идет на пользу. А если и идет на пользу, то не всем. С одной стороны, удручающий разрыв в характере доступа привилегированных и не очень украинских и русских людей к «удобствам» (здесь я имею в виду отнюдь не только канализацию) встраивает истории городов наших стран в общую историю развития городской инфраструктуры в модерности. С другой стороны, контраст между изобильными золотом резиденциями властителей и безнадёжностью провинциальных клоак у нас настолько велик, что заставляет вспоминать об Индии, а не об Индианаполисе. Абсурдность территориального захвата, за который будет заплачено не только отключением граждан от информационных, финансовых и коммерческих глобальных сетей⁴, но и географической «запёртостью» больших групп людей рядом с теми удобствами, на которые хватило их немногих средств, настолько бесповоротна, что мы только еще ищем язык описания инфраструктурных аспектов разворачивающейся исторической драмы. В этой статье я поведу речь о переключках между той частью городской инфраструктуры, которая связана с циркуляцией воды и воздуха, и политико-культурным воображением, обращаясь к избранным страницам истории городов и к идеям Петера Слотердайка, Мишеля

Гельман там же выкладывает пост, обманчиво-академически названный: «Essentials of Russian foreign policy» и заявляет, что «Современная российская внешняя политика сводится к трем компонентам: 1. поднаср*ть Западу не по-крупному, но так, чтобы сильно воняло; 2. обоср*ться самим и обоср*ть всю Россию с головы до ног; 3. врать всем и самим себе, что Запад обоср*лся сам, а Россия его обоср*ла с головы до ног (19.03.2014)». Тем зарубежным читателям, что не следят пристально за перипетиями российской политики и считают, что вправе рассчитывать на более солидные медиа-ресурсы, используемые, как правило, для подтверждения выкладок автора, хочу напомнить, что все независимые медиа в России закрыты либо переформатированы.

³ В истории городов есть особая школа историков городской инфраструктуры. См. напр.: Goldman 1997; Keating 1994; McKinney 1995; Melosi 2000; Rose 1995.

⁴ Аналитик «Ведомостей» формулирует одну из сложностей жизни в условиях финансовой изоляции России: «наши банки используют инфраструктуру, над которой не имеют контроля» [Борисьяк 2014].

Фуко, Найджела Трифта и Стивена Грэхема. Этическая и историческая неопределенность сегодняшнего дня побуждает оглянуться назад и кратко рассмотреть, как создавались узлы и точки пересечения самых разнообразных потоков, движений и метаболизмов, поддерживающих и определяющих городскую жизнь.

Функционирование «гидрополиса» [Graham 2000: 114] (С. Грэхем) — использование запасов воды и удаление ненужного при посредстве инфраструктуры — интересный пример пересечения трех аспектов понимания городской инфраструктуры. Во-первых, они составляют ключевую часть «материальной, экономической и геополитической ткани современных городов» [Ibid.: 115]. Капитал по-разному оседает в городах. Когда дело доходит до инфраструктуры, большая ее часть воплощает его реальное *закапывание*. Конечно, провода и магистрали сетей коммуникаций пролегают и через город и над ним, но слово «закапывание» тут оправдано ещё и потому, что прибыль от таких вложений образуется гораздо медленнее, нежели от собственно строительства. Эмпирическим проявлением этой данности является точечная застройка: врезаться в существующие сети коммуникации — значит, серьёзно сэкономить на затратах. Размах девелоперства в России был бы невозможен без коррумпированного «врезания» в имеющиеся сети коммуникаций. В прошлом общественные городские активы составляют сегодня серую зону, открытую для разнообразных манипуляций. Во-вторых, сети коммуникации тесно связаны с переживанием городской культуры: «они обязательно используются в образах, репрезентациях и идеологиях урбанистического „прогресса“ и города модерна всеми видами акторов — девелоперами, планировщиками, регуляторами, футуристами, производителями приборов... и... центральны для нормативных стремлений... реформаторов, модернизаторов, социальных активистов, вдохновлённых идеями «хорошего города» [Ibidem]. Состояние сетей коммуникаций может либо свидетельствовать о прогрессе либо вопить о том, что он многие наши местности обошёл стариной. У нас преобладает последний вариант: тема дурно пахнущих отхожих мест эксплуатируется давно и разнообразно. В-третьих, сети инфраструктуры связаны с воспроизводством и поддержанием существующей власти: «при их посредстве люди, организации, фирмы и институты способны осуществлять влияние в пространстве и времени помимо „здесь и сейчас“» [Ibidem]. И опять: история развития российской городской инфраструктуры (ей ещё предстоит быть написанной), скорее, свидетельствует о том, что «прогресс» подтверждался заводами и амбициозными проектами, что общественное здоровье и неунизительные условия жизни всегда были на втором плане по сравнению с промышленными (в прошлом) и коммерческими (сегодня) приоритетами. В итоге далеко не каждое жильё у нас, в начале двадцать первого века, соединено с источниками чистой воды и канализацией. Как это характеризует режимы, оставшиеся в прошлом и воцарившийся сегодня? Правы ли те, кто главной причиной отсутствия масштабной инфраструктуры и неокультуренного, неподключенного к сетям быта считает невзыскательность самих обитателей российских зон санитарных лишений? Это большой и долгий разговор, но хочу подчеркнуть, что и тогда, когда мы говорим о культуре, не учитывать отношения по поводу власти над пространством не получается.

**«Группы, которые пахнут»
и «причастность к привилегии величия»**

«Удастся ли открытым большому миру существам — людям эпохи городов и империй — скачок от коллективного самосохранения в укреплённых городских общинах к индивидуальному обеспечению собственной безопасности в универсуме как таковом — по ту сторону случайных отечеств?» [Слотердаик 2007: 354] — спрашивает Петер Слотердаик, тревожась о судьбе мобильных индивидов, некоторые из которых за переход к имперскому государству заплатили «космофобией» [Там же: 363] и полюбили «великие теории порядка» [Там же: 365]. Слотердайку интересно, как совершался переход от имперской «иммунизации» гра-

ждан к европейской модерности, хотя он признает, что этот переход — лишь частичный, ибо империи сохранились, поддерживаемые «достаточно широким распределением шансов на причастность к привилегии величия» [Там же: 320]. Проводя параллель между географической глобализацией и метафизической глобализацией, он ставит в центре этого процесса город, воплощающий идею спасительной целостности вначале буквально, посредством возведённых вокруг него стен, затем иными способами — ставя заслон грязи и вони.

Если — не забывая, что в нашем фокусе инфраструктура — определить ее историю как историю обмена полезных и вредных веществ в городе, то она связана с простым, на первый взгляд, обстоятельством: обмен тогда налачился, когда города перестали безбожно пахнуть. Случилось это, по меркам мировой истории, практически вчера: во второй половине девятнадцатого и в двадцатом веке. В опубликованном в 1889 году эссе «Французы и англичане: сравнение», критик и моралист Филип Хамертон признавая, что обе нации могут быть сочтены относительно чистоплотными, замечает что «большинство в них считает некоторую степень запачканности более отвечающей их представлениям об истинном удобстве» [Там же: 306]. Спокойное отношение к телесной и окружающей грязи европейцев — современников Уайльда и Рембо — отчасти объясняется нарастанием сегрегации в крупных городах; средние классы почти не сталкивались с бедностью и скученностью городских центров, предполагающих весьма высокую степень «запачканности». Больше того, некоторое кокетство наблюдений Хамертона вполне симптоматично для духа эпохи, проявлявшегося, в частности, и в публично выражаемой брезгливости по отношению к городским запахам. Это свои, индивидуальные и неизбежные, запахи были простительны, а запах, к примеру, чужих экскрементов лишь за считанные десятилетия из привычного превратился в отвратительный. Изучение книг по истории городов (а в некоторых из них запахам заслуженно посвящены отдельные главы) [Пикард 2011] побуждает задуматься о том, как быстро, по историческим меркам, телесные и житейские запахи стали стигматизированы, начали обозначать «недоцивилизованность» или социальное исключение. Запахи оказались включёнными в несколько идеологий, и разделить, где заканчиваются социально одобряемые взгляды и начинаются социально порицаемые запахи, не всегда возможно.

Эпический нарратив Слотердайка интересующую нас городскую инфраструктуру помещает в историю становления оседлости. Наряду с хорошо известными культурными обретенными («плуг, меч и книга»), закрепление общностей на земле было сопряжено с сильной зависимостью от их собственных отходов. Слотердайка, не церемонясь, даёт крайне неожиданную трактовку идентичности укореняющегося на постоянном месте этноса: «В культурно-климатологической перспективе оседлое этническое единство представляет собой прежде всего группу, которая пахнет и в своем собственном запахе обнаруживает сферически распространяемый критерий идентичности» [Слотердайка 2007: 340]. (Найдётся, боюсь, немало российских гуманитариев, в опыт общения которых с зарубежными коллегами или друзьями входят неловкие попытки объяснить природу специфических аммиачных облаков, что витают над туалетами иных вокзалов и автостанций, либо неозабоченность иных соотечественников *body odor*⁵). Если кочевники рассеивают переваренное по бескрайней степи и бегут от него прочь и вдаль, то для горожан, гнёт свое Слотердайка, «характерна конвергенция между духом места и законом отхожего места» [Слотердайка 2007: 341]. Как горожанину не проникнуться

⁵ Я, к примеру, провела немало часов в разговорах на эту деликатную тему с написавшим книгу Christoph Neidhart, 2003. *Russia's Carnival: The Smells, Sights and Sounds of Transition*. — Oxford. В главке о запахах в Советском Союзе он передает спертый воздух в купе поездов, «запах гнили с оттенком мочи, особенно в плохоньких обиталищах интеллигенции» [Neidhart 2003: 89], объясняя его тем, что люди с трудом расставались с дорого доставшимися вещами. Он вспоминает ванны в отелях Москвы и Питера, куда он возвращался с облегчением, потому что искусственные запахи чистящих средств, означая условную чистоту, напоминали о привычном. Он описывает, как менялся запах его знакомого рабочего от понедельника к субботе (времени посещения коллективной бани), но признает, что «носы стали более деликатными», а Россия — более буржуазной, цивилизованной и приятной для самих русских» [Neidhart 2003: 95].

идеями причинности, как не понять, что у любого действия есть последствия, если особый запах беспощадно свидетельствует о том, что есть поступки, которым точно не суждено остаться в тайне: «обонятельная Немезида» [Слотердаик 2007: 342] достигнет и индетерминиста.

В дисциплине «история городов» нехотя признается тот факт, что города до XX века представляли собой «заселённые клоаки» [Там же]: «Одним из любопытных фактов лондонской жизни является то, что в начале XIX века городская канализация ничем существенным не отличалась от канализации XV века... примерно под двумястами тысячами домов по-прежнему находились выгребные ямы. В жилищах бедняков жидкие нечистоты порой поднимались вверх, просачиваясь меж досками пола» [Акройнд 2006: 397]. Жизнь не щадила и обоняние москвичей: «С какой стороны ни подойдешь к ней, страшное зловоние встречает вас на самом пороге. Идём по запаху. Вот Красная площадь и на ней единственный в Москве монумент освободителям России в 1612 г. Вокруг него настоящая зараза от текущих по сторонам вонючих потоков. Около памятника будки, на манер парижских писсуаров; к ним и подойти противно. Ручьи текут вниз по горе около самых лавок с фруктами». В глубине города «в грязи и вони городские трактиры... А... рядом... отхожие места...», — сообщалось в газете «Русская летопись» в 1871-м [Делюхова 2008]. Сохранились и выразительные оценки жилого фонда Москвы: «Больше половины (52,1%) всех жилых квартир в Москве не имеет не только тёплого, но и холодного помещения для сортира, жильцы их должны пользоваться отхожим местом во дворе; при одной трети квартир есть особый сортир и только в 15% московских жилых помещений имеется ватер-клозет» [Кириченко 1997: 65]. Точного знания последствий загрязнения воды и воздуха не хватало [Сокауне 2008: 245], и реки европейских столиц (как и сегодня Чёрное море на пляжах Крыма и Краснодарского края) несли с собой не воду, а что-то совсем иное [Костенко-Попова 2013].

В основе назревших повсеместно санитарных реформ лежало стремление сократить смертность и эпидемии, меняя целую совокупность определяющих жизнь города факторов. Эдвин Чедвик в Англии ратовал за реформу канализации с надежной статистикой в руках и картографировал Лондон, Лидс и другие английские города середины XIX века так, чтобы можно было продемонстрировать взаимосвязь здоровья и социального благополучия жителей. Он отражал на своих картах социальные группы и места, в которых жили умершие от холеры в 1830 г., и иных болезней. Заболевания были осмыслены как следствия социального неравенства, а не результаты вредных привычек или невезения [Картографирование заболеваемости... 2012]. Историк Жорж Вигарелло, противопоставляя «чистоту напоказ» XVII века (главное, чтобы лицо было чистым) и «невидимую чистоту» XVIII века, показывает, как медленно оформлялись представления о гигиене [Vigarello 1998]. Он описывает, что в конце XVIII и начале XIX века оформились новые ценности, в том числе пришло понимание внутреннего здоровья как силы, *vigour*: «стремясь в новой силе, буржуазия конца XVIII века, пришла к теориям чистой кожи: поры должны были быть очищены, чтобы не препятствовать динамике тела, а холодная вода должна была придать твёрдость связкам. Чистота освобождала и укрепляла, так что должна быть использована вода, которая стягивала и упрочивала [...] Теперь использовались те представления о воде и теле, которые отвечали теории твёрдости» [Ibid.: 228–229].

«Процесс цивилизации» (Норберт Элиас) набирал силу не спеша: отношение к чистоте, здоровью и гигиене менялось, как и представления о моральных обязательствах индивида по отношению к собственному телу. Мишель Фуко напоминает, что каждое обсуждение политики с восемнадцатого века обязательно включает главы об «урбанизме, коллективных учреждениях, гигиене и частной архитектуре» [Foucault 1984: 240]. Специфическими потоками веществ, связанных с повседневной жизнью субъектов, нужно было управлять так, чтобы поддержать социальный порядок и дисциплинировать частную жизнь. Порядок воплощало коллективное оборудование, включающее схемы расселения людей и насаждаемые среди

программы гигиены. Если канализацию ещё предстояло сделать частью социального порядка, и во многих европейских городах это массово произошло только в XX веке, то «идея патогенного города» [Foucault 1980: 175] и озабоченность распространением гигиены были быстро в XIX веке увязаны властями и их идеологами с пониманием городских бедняков как политической угрозы. Балансируя между минимизацией заразных болезней в целях политической стабильности и необходимостью постоянного прироста рабочей силы, государство подвергло очищению города, а на семью возложило ответственность за воспроизводство здоровых рабочих. «Медикализация» города выразилась в идеях о «расположении различных кварталов, их влажности и открытости, проветривании города в целом, системах его канализации и дренажа, размещении скотобоен и кладбищ, плотности населения» [Ibid.: 175], и все эти активные меры по распространению общественной гигиены были способом избежать «политико-санитарной тревоги» [Foucault 1994: 144]. Открытость, чистота, свет, систематический ремонт — все в этой оптике оказывается подверстанным под нужды оперативного полицейского доступа и надзора, нужными, чтобы «сохранять рабочую силу» [Foucault 1980: 170], представители которой побуждаются ещё и к самосохранению посредством выработки у них правильных гигиенических привычек. С «монументальной учёностью и обидным смехом» [Sloterdijk 2013], присущими его стилю, Фуко скрупулезнейшим образом разбирает, как о гигиене *говорили*, как ее *пропагандировали*, продолжая вдыхать интенсивную городскую вонь — замечу я после чтения многочисленных книг историков города XVIII–XIX века,

О важности тревожных городских запахов для парижского воображения говорит то, что «центральной целью городской гигиенической реформы было всестороннее дезодорирование городской среды» [Prendergast 1992: 78-79]. Одержимость уничтожением неприятных «эманаций» сигнализирует о меняющихся политических и социальных обстоятельствах. Реформатор барон Осман, император Наполеон III, инженер Эжен Бельгран были главными фигурами, причастными к устройству в Париже системы подземных тоннелей, именуемых Османом *Cloaca Maxima*, чтобы риторически установить связь между главными градостроительными достижениями Римской империи и реформами в Париже XIX века. Рачительный барон возражал против того, чтобы новые подземные сети использовались для транспортировки экскрементов: для их сбора до конца XIX столетия использовались выгребные ямы, откуда добро вывозилось на пригородные поля. В то же время формировался «коллективный культурный фантазм — широко разделяемый страх вонючей субстанции и отвратительных испарений» [Ibidem: 77]. Описания переживаний парижан по поводу испарений, переносимых северо-восточным ветром из округа Монфокон объясняют, почему специфический габитус парижанина XIX века включал обостренное обоняние: «порог терпимости по отношению к запахам понизился и как условие и как следствие новой озабоченности общественным здоровьем» [Ibidem: 78]. Миазмы, инфекция, упадок — эти вещи теперь увязались в воображении публики в крепкий узел. Неизбежные, жизненные запахи стали ассоциироваться с болезнью и смертью. Воздушным путём передаваемые инфекции стали кошмаром врачей-гигиенистов: во второй половине XIX века они стали настаивать на том, чтобы строительство новых авеню велось так, чтобы избежать чрезмерного скопления народа, а подходящая циркуляция воздуха позволяла запахам быстро рассеиваться [Corbin 1988]. Отныне запахи туалета олицетворяли отсталость, грязь, нищету, низшие классы. Вентиляция и дезодорирование вплелись в прогрессистские программы элиминации бедности. Соответствующие дискурсы отлагались в пропагандистских брошюрах, памфлетах, либеральной прессе, учёных книгах, переплетаясь с другими формами жизни. Реалии бедности, несчастья, трущоб, отхожих мест соединялись с опытом жизни в городе позапрошлого столетия, где субъект жил вдыхая его миазмы и отворачиваясь от его язв.

Рисуя во второй части своего монументального труда «Сферы» подробнейшую «медиа-историю империи», Слотердаjk напоминает, что «пространство империи может сохраняться только в качестве семиосферы согласия относительно его благополучия или воспроизводства

в условиях упадка и опасности» [Слотердайт 2007: 342]. О том, насколько опасно, по этой логике, зловоние, свидетельствует игривый, но точный тезис мыслителя о том, что «отвратительные эманации», присущие современному обществу, это же общество пытается перекрыть «запахами филантропии, эгалитаризма и долга памяти» [Там же: 350–351]. Только в XIX–XX веках филантропия и эгалитаризм воплотились в «систематическом решении» этой специфической «эндоклиматологической» проблемы: в городах были устроены сети канализации. Снабжение города водой и использование воды для транспортировки отходов — это арена, на которой разворачиваются конкретные политико-экономические программы. Каким образом политическая экономия урбанизации проявляется в дискурсивных и материальных практиках в отношении воды? Как инновации, классовые предрассудки и экономические возможности соединяются в решении санитарных проблем?

Избавиться от человеческих отходов можно было, полагаясь на возможности либо земли, либо воды. История становления инфраструктуры включает в себя, так сказать, магистрали и боковые ходы: первые — это возобладавшие методы транспортировки, вторые — те, что обсуждались, но были отброшены. Так, бостонские инженеры в XIX веке, обсудив использование вакуума и сжатого воздуха для транспортировки отходов (вакуумная система Берлье и гидро-пневматическая система Шоуна, задействованная в 1886 в английском парламенте и продемонстрированная на Колумбовой всемирной выставке в Чикаго в 1893-м), сочли этот способ слишком технологически сложным [Ben-Joseph 2005: 88]. Понадобились бы отдельные механизмы для транспортировки экскрементов и грязной воды. Им вторили чиновники, отвечающие за общественное здоровье, и санитарные инженеры: они считали самым важным *скорость* избавления от всего ненужного для предотвращения эпидемий, а использование воды для этого было более эффективным. В Англии аналогичные дискуссии сопровождались сетованиями одних на разбазаривание полезного удобрения — человеческих экскрементов (в случае если отходы будут спускаться в море), и утверждениями других, что это не разбазаривание, а экономия: слишком дорого доставлять такой неэффективный «навоз» на поля. Реформатор Флоренс Найтингел была активным пропагандистом водного способа. В итоге сторонники сухой либо полусухой вакуумной канализации проиграли в бостонских дебатах. Высокооплачиваемые профессионалы убедили власти в необходимости централизованной канализации (это, среди прочего, гарантировало членам их профессиональной лиги стабильные доходы и в будущем). Соображения экономии (часто использовались уже имеющиеся трубы) и простоты (централизованная транспортировка всех отходов по одним трубам), соединились с озабоченностью вывозом всего этого за пределы города, а не эффективной переработкой [Ibidem]. Автор этой занимательной истории об экологической слепоте западных властей добавляет нечто важное для моего дальнейшего повествования: «Такая система привлекала местные власти тем, что делала избавление от отходов автоматической процедурой и облегчала индивидуальную ответственность (...): не нужно санитарное устройство препоручать низшим классам, а нужно все для них сделать» [Ibidem: 90].

Масштабность санитарной революции, происшедшей в Европе, впечатляет, хотя вездливые историки добавляют, что абсолютного контроля над циркуляцией чистой и грязной воды достичь не удалось нигде. Одним из источников головной боли были и остаются промышленные стоки: у промышленности был карт-бланш как на потребление воды, так и на избавление от загрязненной. В итоге договорённостей властей с промышленниками промышленные стоки попадали и в наземные водоёмы и под землю. Много чего попадало и в океан: автор статьи, опубликованной в 1974 году простодушно заявляет, что «вопреки широко разделяемому мнению, океан — подходящее место для избавления от некоторых видов человеческих отходов» [Bascom 2005: 91].

Особенности национальной канализации

Петер Слотердаjk, пишущий о борьбе с запахом нечистот в городской жизни — в хорошей компании: от Томаса Мора, апеллировавшего к пяти названиям фекалий в полемическом трактате, до Мишеля Монтеня, сетовавшего в «Опытах» на резкий запах кала в Париже. Упомянутый выше историк Парижа и французской культуры Кристофер Прендергаст напоминает о мусорщике, упавшем в 1782 году в сточную яму возле одного из парижских домов. Беднягу пытался спасти один из стоявших неподалёку учёных, в подобающем месте изучавших потенциал вещества, изобретатель которого клялся, что оно уничтожает миазмы. Милосердный учёный попытался сделать бедняге искусственное дыхание, но в ужасе отшатнулся [Prendergast 1995: 75–78]. Меня упрекнули в слишком проблематичной параллели, но я хочу упомянуть, что почти всякий раз, когда белорусские, украинские, российские коллеги рассказывают о посещении домов простых сограждан, их озадачивают сложные запахи, вырывающиеся из жилищ⁶.

Если создание современной канализации пришлось во многих европейских городах на начало двадцатого века, то в Украине, Беларуси, России и других бывших советских республиках оно массово осуществилось во второй половине двадцатого века. Здесь очень важно понимать, какой путь прошли наши страны к сегодняшней дезодорированной жизни больших городов и благополучных людей. Если в 1913 году лишь в 190 из 1078 городов России (число жителей свыше 10 тысяч человек) был водопровод (а в Германии в тот же период уже в 98 из 100 городов был водопровод), то сплавная канализация имела лишь в 13 городах и устраивалась в трёх. Итогом было то, что «в результате обследования городов Киева, Харькова, Ростова-на-Дону и С.-Петербурга в 1907–1910 гг. оказалось, что одной из причин широкого распространения эпидемий тифа и холеры было загрязнение водопровода сточными водами» [Анфимов, Корелин 1995]. Автор «Истории туалета» сосредоточивается на санитарной жизни Питера, описывая насыщавшие воздух зловонием обозы, тянувшиеся по ночам по Невскому, протекающие выгребные ямы, спуск нечистот в дождевую канализацию, реки, каналы и Финский залив, баржи с фекалиями неподалёку от Зимнего дворца, и создание в городе к концу XIX века «обще-сплавной канализации», в которой циркулировали все растворимые в воде отходы» и превращение каналов города в «открытые канализационные коллекторы» [Богданов 2007: 69]. Жёсткое огосударствление жилищной политики в СССР сопровождалось санитарным кошмаром: «катастрофическое ухудшение состояния домов в результате затопления подвалов фекалиями, происходящее вследствие подтопления грунтовыми водами, а также из-за порчи водопровода и канализации» [Меерович 2008: 49], отмечаемое наблюдателями в 1920-е, в тех или других формах продолжается по сей день. Это интерпретируется как симптом недостаточной включенности России в ранг цивилизованных стран, ведь там представлены страны урбанизованные, а мерой урбанизации мыслится наличие канализации. Географ Татьяна Нефедова считает, что «именно отсутствие канализации, а не газа и даже не водопровода в России — верный признак застройки сельского типа, отсутствия элементарных удобств, поистине ключевой индикатор ирреальной урбанизированности» и подтверждает этот вывод такими цифрами: «лишь 143 из 1098 городов России обеспечены канализацией на 95–100%. В малых городах без канализации живёт около половины населения. В средних (50–100 тысяч жителей) канализации не имеет 21% жилого фонда, а 10% лишено ее даже в городах миллионных» [Нефедова 2004].

⁶ Белорусский политический активист и урбанист Дмитрий Горенко так описывает недавнее посещение квартир в микрорайоне Комаровка в Минске: «Самое сильное впечатление длинного дня посещения людей, попросивших о возможности проголосовать — запах. Он отличается в подъездах и в квартирах стариков, в квартирах пахнет едой, в подъездах мусором и животными... Трудно сказать, где пахнет сильнее» (пост в Facebook от 24.03.2014).

Тот факт, что централизованная канализация в стране, прошедшей через форсированную индустриализацию, не пришла во все города, сложно уместить в голове. Нужно как-то объяснить, что за двадцатилетие постсоветского развития в городскую инфраструктуру власти, конечно, вкладывались, но, как правило деньги уходили на зрелищные, громкие проекты, к примеру новые дороги. Здесь у меня нет возможности подробно остановиться на том, как изобретательно российское правительство камуфлировало крайности сверхцентрализации, от которых страдают граждане, регионы и города России — камуфлировало сначала курсом модернизации и роста, а теперь уже и геополитическим громом. В этом отношении действия российских властей вполне могут быть рассмотрены в связи с неолиберальной эволюцией отношений федеральных правительств развитых капиталистических стран со своим народом и территориями⁷. У нас преобладает технократический менеджмент (сегодня это повсеместно преобладающий стиль правления), а популистский консенсус достигается при помощи масс-медиа, которые организуют «участие» в принятии решений (при одновременном упрощении нравов публики). Напомню, что если реформаторы-канализационщики XIX и XX веков объясняли необходимость централизованного решения проблемы вывода отходов недоверием к доброй воле низов, то сегодня представления об отношениях между гражданами и обществом (в частности, гражданскими обязательствами) меняются опять-таки в неолиберальную сторону. Эта идеология вытесняет в частную сферу экономическое неравенство и возможности достижения гигиенического комфорта делает сугубо личной проблемой горожанина. С этой общей тенденцией перекликается такое объяснение постсоветских проблем с канализацией, предложенное Натальей Зубаревич: «Чем дальше в глубинку, тем меньше потребность (подчёркнуто мною — Е.Т.) в горячем водоснабжении, канализации и других удобствах. Когда у людей есть деньги, они тратят их на телевизор, автомобиль, но не на нормального вида нужник. Раз для людей это не становится значимой потребностью, то и власти особенно не стараются в деле обеспечения электората канализацией... Отсутствие канализации и других коммунальных удобств работает на закрепление патриархального образа жизни. Если вы не можете круглогодично принять душ и пользоваться унитазом, то вас довольно сложно модернизировать. Архаика быта влияет на архаику ценностей. Бытовой архаизм закрепляет очень многие мотивации, стереотипы поведения в других сферах» [Попов 2013]. Меня смущает в таком объяснении провинциальных инфраструктурных ужасов отсутствие макроэкономических параметров и изображение все сильнее пахнущих по мере приближения субботы людей как не желающих «де-архаизироваться». Под макро-экономическими параметрами я имею в виду, в частности, то, что даже выделенные в рамках жилищно-коммунальной реформы средства на ремонт сетей коммуникации были, как правило, потрачены на другое. Я также имею в виду, что инвестиции в канализацию практически не обсуждались в качестве приоритетных ни в советское, ни в постсоветское время.

Россия здесь не одинока. Если уж о Соединённых Штатах Америки Дэвид Харви пишет, что шумиха вокруг IT-отраслей и креативных индустрий, то есть, «продвинутых», а значит сулящих символические дивиденды, отраслей экономики, «отвлекла внимание от того факта, что базовые области физической и социальной инфраструктуры недополучали инвестиций» [Харви 2007: 212], то что уж говорить о России и ее соседях. Однако в Штатах возможность продуктивно включиться в экономические отношения и заработать на свой дом, а не только на нужник, все же значительно выше. Что касается недостаточной модернизированности нечистоплотных сограждан, на которую сетует Зубаревич, обращение к документам, личным историям людей, материалам Сети убеждает в том, насколько реальная картина сложнее нарисованной. Она включает непрояснённую вопросов собственности, постоянную смену ведомственной принадлежности имеющихся (и нередко разрушающихся) сетей, недофинансирование городских администраций и многое другое. Приведу лишь «графический»

⁷ Я рассматриваю некоторые аспекты этой гибридизации авторитаризма и неолиберализма в статье: Трубина 2013.

фрагмент отчёта Уполномоченного по правам человека Свердловской области за 2008 год, где говорится, что в городе Артемовском Свердловской области десятки жителей не имеют возможности сходить в туалет. На фоне обсуждения в администрациях многочисленных „Концепций реформирования жилищно-коммунального комплекса» коммунальщики снесли уличный деревянный туалет, служивший жителям двадцати двухэтажных домиков 30-х годов застройки. Журналист Татьяна Шарафиева поясняет, как выходят из положения жители: «Некоторые жители сделали самодельные выгребные ямы, содержимое которых они вывозят, нанимая машину, за свой счёт. Но выгребные ямы — это вонь, антисанитария и т.п. У многих бабушек, таких как тётя Лида с улицы Ленина 40, которая сильно болеет, еле ходит, некому ей помочь и ещё нескольких пенсионеров выгребных ям нет. Они ходят в ведёрко и выливают, где придётся. Жители не раз обращались в администрацию, „Егоршинские вести“ писали об этой ситуации, но ничего с места не сдвинулось» [Доклад о деятельности... 2008]. Другой пример, подтверждающий плачевное состояние санитарной инфраструктуры во многих местах России — ситуация в Ленинградской области: «В Кировском районе в посёлке Павлово очистные разрушены, сточные воды сбрасываются в Неву без очистки; в городе Мга, посёлках Путилово и Шум канализационные очистные не работают. В Волосовском районе сточные воды с низкой степенью очистки сбрасываются на рельеф очистными сооружениями в деревнях Зимитицы, Каложицы, Клопицы, Курск, Сельцо, Сумино. В Ломоносовском районе практически отсутствует очистка сточных вод в деревнях Яльгелево, Малое Карлино, посёлке Большая Ижора. Без очистки сбрасываются сточные воды в посёлке Лукаши и деревне Сяськелево, так как очистные сооружения и там разрушены» [Очистные сооружения... 2014]. То, что Дэвид Харви называет «неоколониальный и имперский подход к присвоению активов» [Харви 2007: 212–123] проявляется, в частности, в обилии так называемых «империй климата» и «империй тепла, комфорта и уюта» — частных контор, предлагающих частные же услуги тем людям, у которых есть средства продемонстрировать причастность к современности уютным туалетом.

Серое будущее?

Пока призрачная Российская империя переживает сомнительное возрождение в умах, текстах и в политике, западные урбанисты обращаются к метафоре империи для того, чтобы зафиксировать размах, сложность и взаимозависимость сетей, которыми начинена сегодня городская жизнь: «Тот самый „чёрный ящик“ инфраструктурных систем, неспособность пользователей видеть дальше бегущей строки, автоприборной панели, компьютерного экрана, телефонного аппарата или горячей плиты, неспособность разглядеть империю функций (*выделено мной — Е.Т.*), стоящую за работой по обслуживанию, означает слишком многое для воображения городской инфраструктуры» [Graham 2007: 1–25]. Грэхем и Трифт сетуют на то, что в представлениях горожан инфраструктура более упорядочена и стабильна, чем она в действительности есть. Невидимая инфраструктура городской жизни, делающая эту самую жизнь достаточно упорядоченной и предсказуемой, принимается нами как должное. Однако противопоставление урбанистами реальной сложности и хрупкости всей городской оснастки и воображаемого населением идеального порядка ее работы, кажется чрезмерно жёстким и недооценивающим повседневную (и небезосновательную) тревожность рядового горожанина. Со сбоями в работе городских сетей сталкивался каждый: лондонцы — в постоянном напряжении от забастовок и поломок в метро, жители Нью-Йорка ещё не забыли об урагане «Сэнди» и 11 сентября. Да, надёжность сетей городских коммуникаций принимается многими как должное, но возможность городской катастрофы не исключает никто — и в России, и повсеместно. Другое дело, разговоры о том, что платой за последний взлёт имперских российских амбиций может стать развал страны, заставляют особенно ярко вообразить, насколько легко чистота и порядок в некоторых больших российских городах может уступить место

разрухе. Точнее, новая разруха может добавиться к разрухе хронической. Уже сегодня разруха с ее неизменными спутниками — грязью, вонью, пылью и гнилью — упоминается и в апокалиптических прогнозах, и в описаниях российской и крымской провинциальной повседневности. Груды мусора, что видны вокруг мусорных ящиков после праздников, могут стать повсеместной обыденностью.

Нарушение привычного городского порядка, помимо видимых его компонентов, будет включать те, что раздражают иные органы чувств. Если отключение воды на пару дней сопровождает лёгкий неприятный запах из кранов, то страшно представить, что будет исходить из всех этих труб, решёток и сетей в случае, если коммунальщики перестанут получать платежи, а их начальники сбегут в Таиланд. Трубы, туннели и водохранилища уязвимы и без всякого урагана «Сэнди». Опыт стран-изгоев тут очень поучителен: если вы продаёте только нефть, а остальное ввозите, санитарная катастрофа наступит очень быстро. Подвергнув Ирак экономическим санкциям, США не давали Багдаду импортировать насосы для заводов, которые очищают воду Тигра, превратившегося в открытую клоаку из-за разрушения заводов, перерабатывающих отходы. Хлорка, необходимая для обеззараживания воды, была запрещена потому, что могла быть использована как химическое оружие. Последствия всего этого более всего проявились в детских клиниках: из-за заражённой воды под ударом оказались, прежде всего, дети — они особенно беззащитны перед гастроэнтеритом и холерой [Gordon 2010]. Алан Вейсман, автор книги «Мир без нас» рисует будущее Нью-Йорка в случае, если жители в нем исчезнут: «Без работающих насосов, метро непроходимо затопит. За двадцать лет стальные колонны, поддерживающие улицу над поездами [...] заржавеют и рухнут, Лексингтон-авеню обрушится вниз и станет рекой. В первые несколько лет без тепла, трубы в городе лопнут повсеместно, цикл «замерзание-оттаивание» переместится в квартиры, и начнётся серьёзное разложение. Засорённая канализация, затопленные туннели и превратившиеся в реки улицы размоют фундаменты, здания над ними рухнут. Постепенно асфальтовые джунгли уступят место настоящим».

Зависимость судьбы горожан и города от капризов политиков разного уровня влияет на работу воображения и на то, как складываются представления о мерах, необходимых для выживания. Инфраструктура как общее благо, миллионами способов связанное с твоими личными шансами на поддержание нормальной жизни, обращает наше внимание на парадоксальность современного города — динамичного, но беззащитного. Метаморфозы воды и пищи, деятельность, чувства, опосредованные андроидами и ноутбуками, — все это нерасторжимо переплетают между собой физические, технологические и социальные процессы. За ними важно видеть различные варианты городских инфраструктур — от «умных» домов и ухоженных парков, сосредоточенных на территориях «дворянских гнёзд» и коттеджных посёлков, со сложными системами фильтрации воды и транспортировки наружу ненужного, до вредных отходов, таящихся в почве под домами попроще, квартиры в которых отделаны дешёвыми, но вредными для здоровья материалами, где Интернет работает с перебоями, а вода из-под крана далеко не всегда фильтруется. Соглашаясь с британскими урбанистами, что «большую часть жизни в городе составляет, скорее, механическая циркуляция тел, объектов и звуков речи, равно как и наличие и регуляция в ее недрах трансчеловеческой и неорганической жизни (от крыс до канализации)» [Amin 2002: 228], все же не хочется забывать об инфраструктурном разрыве, которым отмечена жизнь большинства городов и о воспроизводстве глубоко несправедливых отношений в контексте того, что в России именуется «коммуникациями». Сегодняшние электросистемы, водоснабжение и канализация — своеобразные памятники более или менее эффективному использованию общественных денег в прошлом, к которым прибавляются сегодня последствия неудачной жилищно-коммунальной реформы. Недостаток места не даёт возможности подробнее остановиться в этой статье на сегодняшнем периоде, когда капиталистические интересы девелоперов побуждают их врезаться в существующие «коммуникации», обрекая «коммунальщиков» (с переменным

успехом) справляться с последствиями точечной застройки. Большинство труб было проложено в советское время, они лопаются, дымя паром зимой и растекаясь летом, что теперь есть неизбежная часть городского пейзажа. Чертыхаясь и ругая мэров и губернаторов, люди как-то справляются с бытовыми трудностями. Справляются в том числе и «врезаясь» в инфраструктуру домов, вставляя свои трубы, батареи и насосы. Вот последние особенно интересны. Их тактики можно объяснить неолиберальной логикой *self-responsibilization*: чтобы напор в твоём душе был нормальным, ты должен постараться сам. Но, чтобы доставить себе утреннее удовольствие от хорошего напора воды в душе, ты захватываешь воду, предназначенную всем. «Коммунальность» жизни многоэтажки тем самым — лишь видимость: ресурсы одних позволяют им устраивать мини-экспансию, присваивая то, на что другие, «лузеры», уже напрасно рассчитывают: они так и будут мыться под «писающим мальчиком» на своем двенадцатом, скажем, этаже. Мини-империя может располагаться у тебя за стеной.

Выводы

Сложность обсуждения городской инфраструктуры связана, среди прочего, с тем, что эта сторона городской жизни — типичный «гибрид» материи и ценностей, техники и аффектов, денег и представлений о цивилизационных расколах. Избавление от дурных запахов в большинстве стран было результатом воплощения двух стратегий: во-первых, трансформации гигиенических привычек индивидов и, во-вторых, внешних, совершившихся вне жилищ, реформ и мер, связанных с планированием городов, устройством централизованной канализации (либо поощрением частных усилий), а затем — поддержания ее в порядке. Санитарная пропаганда полезных привычек, связанных и с физическим и с моральным здоровьем подкреплялась открытием новых клиник. Тесно сплетённые с самоуважением личные техники «заботы о себе» были лишь частью масштабных реформ, осуществляемых государством и бизнесом, деятельно создающих специфические сети, по которым источающие запах субстанции отводились туда, где, предполагалось, они ничьё обоняние не тревожили. У нас же, в Восточной Европе и России, половинчатые результаты социалистического проекта, соединившись с «гибридным» капитализмом, привели к тому, что общие неудачи по части избавления от вони изображаются как региональные особенности либо как проявление личной беспомощности и нецивилизованности. Отсутствие механизмов продуктивного давления на власти со стороны общественности, воспроизводство «символического насилия» (Пьер Бурдьё), выражающееся в *спокойном* отношении большинства людей к социальному неравенству, поощряет нерегулируемую урбанизацию. Пост-фордистское использование имеющихся в городе технологических сетей сопровождается выжиманием прибыли из остатков общественных благ и полным забвением эгалитаристских установок модерности. Миллионы вдыхают вонь, в то время, как одни ведут разговор о велодорожках (то есть, о воспроизводстве идеализованной модели капиталистического города), а другие воспевают воображаемый «народ», от имени которого осуществляется проблематичная политика, лишаящая сам этот «народ» (его неустанно убеждают в важности геополитических праздников) возможностей цивилизованной жизни. Инфраструктура тем самым предстаёт перед нами во всей ее сложности, состоя не только из технологий и материи, но и из акторов, поддерживающих существующее в порядке и пользующимся им, писаных и неписаных правил, по которым эти системы функционируют, экономических ресурсов, необходимых для ее поддержания, и культурных ценностей, с которыми она сплетена.

Эта сложность и объясняет, почему зависимость от пути предыдущего развития преследует развитие «систем коммуникаций» в той или иной стране. Радикальное их изменение невозможно нигде, но есть федеральные и региональные правительства, деятельность которых отмечена подчёркнутым равнодушием к городской инфраструктуре.

- Ад русских больниц... 2013. *Ад русских больниц*. — Доступ: <http://uglich-jj.livejournal.com/62312.html>. — Проверено: 25.05.2015.
- Акройд П. 2006. *Биография Лондона*. — М.
- Анфимов А.М., Корелин А.П. 1995. *Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник*. — Раздел XIII. Здравоохранение. — СПб.
- Ароненц А., Коваленко О. 2014. *В поисках золотого унитаза, или Экскурсия по резиденции Януковича в Межигорье*. — Доступ: <http://news.tut.by/world/387941.html>. — Проверено: 25.05.2015. — См. также здесь: <http://fakty.ictv.ua/ru/index/view-media/id/55658> и здесь: <http://chechenews.com/world-news/russia/16705-1.html>. — Проверено: 25.05.2015.
- Богданов И. 2007. *Unitas, или Краткая история туалета*. — М., НЛЮ.
- Борисяк Д. 2014. Как обезопасить карты российских банков от блокировок международными платёжными системами. В Думу внесён законопроект против блокировки карт российских банков международными платёжными системами. — *Vedomosti.ru*. — 24.03.2014.
- В Киевсовете потоп... 2013. *В Киевсовете потоп*. — Доступ: http://gazeta.ua/ru/articles/politics/_v-kievsovete-potop/534925. — Проверено: 25.05.2015.
- Дедюхова И. 2008. *Водоснабжение и канализация жилищного сектора России до революции*. — Доступ: <http://www.deduhova.ru/srvreform/sewerage.htm>. — Проверено: 25.05.2015.
- Доклад о деятельности... 2008. *Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека Свердловской области в 2008 году*. — Доступ: <http://ombudsman.midural.ru/files/49d2f477bc203.doc>. — Проверено: 25.05.2015.
- Картографирование заболеваемости... 2012. *Картографирование заболеваемости. Осознание причин эпидемий сквозь призму карт*. — *ArcReview*. — № 1(60). — Доступ: http://www.dataplus.ru/news/arcreview/detail.php?ID=6662&SECTION_ID=221&print=Y. — Проверено: 25.05.2015.
- Кириченко Е.И. 1977. *Москва на рубеже столетий*. — М.
- Костенко-Попова О. 2013. Из канализации — в море. Чем опасны отечественные водоемы и курорты? — *Аргументы и Факты*. — 04.09.2013. — № 36. — Доступ: <http://www.aif.ru/society/healthcare/46486>. — Проверено: 25.05.2015.
- Меерович М. 2008. *Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми*. — М.
- Нефедова Т. 2004. *Городская сельская Россия*. — *Демоскоп*. — Доступ: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0141/tema02.php>. — Проверено: 25.05.2015.
- Очистные сооружения... 2014. *Очистные сооружения в Ленобласти не очищают воду, а отравляют природу*. — Доступ: <http://47news.ru/articles/73225/>. — Проверено: 25.05.2015.
- Пикард Л. 2011. *Викторианский Лондон*. — М.
- Попов А. 2013. Всеобщая канализация страны. — *Эксперт*. — 24 сентября. — Доступ: <http://expert.ru/2013/09/24/vseobschaya-kanalizatsiya-stranyi/>. — Проверено: 25.05.2015.
- Приглашаем рожать... 2013. *Приглашаем рожать в Россию*. — Доступ: <http://uglich-jj.livejournal.com/63105.html>. — Проверено: 25.05.2015.
- Слотердайт П. 2007. *Сферы II. Глобусы*. — СПб.
- Трубина Е.Г. 2013. Центр и периферия между ростом и развитием. — *Логос*. — № 4.
- Флигельман М. 2010. *Цивилизация — это канализация (моя версия национальной идеи)*. — *Точка зрения*. — Август. — Доступно: <http://www.tztver.ru/articles/detail/205>. — Проверено: 25.05.2015.
- Харви Д. 2007. *Краткая история неолиберализма*. — М.
- Этот город... 2013. *Этот город в г*вне: район Хабаровска уходит под канализацию*. — Доступ: <http://andrey-che.livejournal.com/2702701.html> (2013-08-27). — Проверено: 25.05.2015.

- Amin A., Thrift N. 2002. *Cities — Reimagining the Urban*. — L.
- Bascom W. 2005. The Disposal of Waste in the Ocean. — *Scientific American*. — 231 (2).
- Ben-Joseph E. 2005. *The Code of the City: Standards and the Hidden Language of Place Making*. — Cambridge, (MA).
- Briggs A. 1989. Water, Water. A review of “The Conquest of Water: The Advent of Health in the Industrial Age” by Jean-Pierre Goubert. — *London Review of Books*. — 9 November. — Vol. 11. — No. 21.
- Cockayne E. 2007. *Hubbub: Filth, Noise and Stench in England, 1600–1770*. — New Haven: Yale University Press.
- Cockayne E. 2008. *Hubbub: Filth, Noise & Stench in England*. — Yale University Press
- Corbin A. 1988. *The Foul and the Fragrant: Odor and the French Social Imagination*. — Cambridge.
- Foucault M. 1980. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977*. — NY.
- Foucault M. 1984. Space, Knowledge and Power. Rabinow P. (Ed.). — *The Foucault Reader*. — L.
- Foucault M. 1994. The Birth of Social Medicine. — Foucault M. *Power: Essential Works of Michel Foucault 1954–1984*. Ed. Faubion J. D. — NY
- George R. 2008. *The Big Necessity: The Unmentionable World of Human Waste*. — Metropolitan Books.
- Goldman J.A. 1997. *Building New York’s Sewers: Developing Mechanisms of Urban Management*. — West Lafayette (IN).
- Keating A.N. 1994. *Invisible Networks: Exploring the History of Local Utilities and Public Works*. — Malabar (FL).
- McKinney H.A. 1995. *The Development of Local Public Services, 1650–1860*. — Westport (CT).
- Melosi M.V. 2000. *The Sanitary City: Urban Infrastructure in America from Colonial Times to the Present*. — Baltimore.
- Rose M. 1995. *Cities of Light and Heat: Domesticating Gas and Electricity in Urban America*. — University Park: Pennsylvania State University Press.
- Gordon J. 2010. *Invisible War: The United States and the Iraq Sanctions*. — Cambridge.
- Graham S. 2000. Introduction: Cities and Infrastructure. — *International Journal of Urban and Regional Research*. — March. — Vol. 24. — Issue 1.
- Graham S., Thrift N. 2007. Out of Order: Understanding Repair and Maintenance. — *Theory, Culture & Society*. — 24 (3).
- Neidhart N. 2003. *Russia’s Carnival: The Smells, Sights and Sounds of Transition*. — Oxford.
- Prendergast C. 1992. *Paris and the Nineteenth Century (Writing the City)*. — Oxford.
- Prendergast C. 1995. *Paris and the Nineteenth Century*. — Wiley-Blackwell.
- Sloterdijk P. 2013. *Philosophical Temperaments: From Plato to Foucault*. — Access: http://issuu.com/columbiaup/docs/sloterdijk_on_foucault. — Verified: 25.05.2015.
- Vigarello G. 1998. *Concepts of Cleanliness: Changing Attitudes in France Since the Middle Ages*. — Cambridge.